

Николай Михайлович Карамзин

**О Калидасе и его драме
«Саконтала»**

Николай Михайлович Карамзин

О Калидасе и его драме «Саконтала»

«...Почти на каждой странице сей драмы находил я высочайшие красоты поэзии, тончайшие чувства, кроткую, отменную, неизъяснимую нежность, подобную тихому майскому вечеру – чистейшую, неподражаемую натуру и величайшее искусство...»

**Николай Михайлович
Карамзин
<О Калидасе и его драме
«Саконтала»>**

Творческий дух обитает не в одной Европе; он есть гражданин вселенной. Человек везде человек; везде имеет он чувствительное сердце и в зеркале воображения своего вмещает небеса и землю. Везде натура есть его наставница и главный источник его удовольствий.

Я чувствовал сие весьма живо, читая «Саконталу», драму, сочиненную на индейском языке, за 1900 лет перед сим, азиатским поэтом Калидасом и недавно переведенную на английский Виллиамом Джонсом, бенгальским судьей (который и прежде того известен был в ученом свете по своим переводам с восточных языков), а на немецкий – профессором Георгом Форстером (который путешествовал с Куком в отдаленнейших пределах нашего мира). Почти на каждой странице сей драмы находил я высочайшие красоты поэзии, тончайшие чувства, кроткую, отменную, неизъяснимую нежность, подобную тихому майскому вечеру – чистейшую, неподражаемую натуру и величайшее искусство. сверх того, ее можно назвать прекрасною картиною

древней Индии, так, как Гомеровы поэмы суть картины древней Греции, – картины, в которых можно видеть характеры, обычаи и нравы ее жителей. Калидас для меня столь же велик, как и Гомер. Оба они получили кисть свою из рук природы и оба изображали – природу.

Для собственного своего удовольствия перевел я некоторые сцены из «Саконталы» и потом решился напечатать их в «Московском журнале», надеясь, что сии благовонные цветы азиатской литературы будут приятны для многих читателей, имеющих тонкий вкус и любящих истинную поэзию.